

В. Андерс

**ВЛИЯНИЕ САНКЦИОННЫХ МЕР ЕС
НА УРОВЕНЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРАВЯЩИХ
И ОППОЗИЦИОННЫХ СИЛ В СИРИИ
В ПЕРИОД С 2004 ПО 2024 ГОД**

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,

Калининград, Россия

Поступила в редакцию 18.01.2026 г.

Принята к публикации 14.04.2026 г.

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-9

117

Для цитирования: Андерс В. Влияние санкционных мер ЕС на уровень политической поддержки правящих и оппозиционных сил в Сирии в период с 2004 по 2024 год // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2026. №2. С. 117—129. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-9.

Целью работы является изучение влияния санкционных мер Европейского союза на уровень политической поддержки правящих и оппозиционных сил в Баасистской Сирии, а также на уровень явки на парламентских и президентских выборах, установление возможных зависимостей, их причин и особенностей. Исследование опирается на процессный подход. В качестве основного метода избран факторный анализ, позволяющий выявить скрытые связи между рассматриваемыми переменными путем сопоставления изменения уровня санкционного давления с результатами всех парламентских и президентских выборов, прошедших в Сирии с 2004 по 2024 г. После сбора соответствующих данных построена факторная модель и проведен регрессионный анализ. Обоснован вывод, что санкции действительно могут оказывать влияние на политическую динамику в стране — адресате санкций, однако характер этой связи неоднозначен. Санкции могут приводить к росту поддержки правящих элит за счет консолидации вокруг лидера и восприятия внешней угрозы.

Ключевые слова: Европейский союз, Сирия, санкционная политика, международные отношения, влияние санкций, политическая поддержка

В современном глобализированном мире прежние, веками сложившиеся, методы дипломатии все чаще уступают место экономическому и политическому давлению, санкции становятся неотъемлемой частью внешней политики ведущих мировых держав, содружеств и блоковых объединений [13, р. 28]. Используемые при этом инструменты и подходы постоянно развиваются и усложняются. В последние десятилетия наблюдается переход от масштабных ограничений прошлого века к более точечным, направленным мерам санкционного воздействия

[11, р. 5]. Сегодня применяются не только политические, финансовые и секторальные ограничения в отношении подсанкционных стран и их правительств, но также и меры в отношении структур и лиц, не связанных напрямую с государственными институтами, такие как заморозка активов компаний или даже конкретных частных лиц, запрет на въезд [8, р. 51].

Европейский союз (ЕС), объединяющий 27 стран, применяет единые санкционные меры, опираясь на свою Общую внешнюю политику и политику безопасности (ОВПБ), подкрепленную соответствующими руководствами и регламентами стран — членов Союза [6, р. 291 — 292]. В качестве первоначального нормативного акта, регулирующего использование санкций на коммунитарном уровне, выступали «Рекомендации по имплементации и оценке ограничительных мер (санкций) в рамках Общей внешней политики и политики безопасности ЕС» (2003) [10]. В 2004 г. были приняты «Основополагающие принципы использования ограничительных мер (санкций)», где страны ЕС подтвердили общую цель — использовать санкции для защиты прав человека, поддержки демократии, обеспечения верховенства закона, а также борьбы с угрозами, исходящими от оружия массового уничтожения и терроризма [9, р. 1 — 3]. Хотя нормативная база ЕС с тех пор расширялась и обновлялась, эти два документа остаются ключевыми для санкционной политики Европейского союза.

ЕС вводит санкции, предполагая, что правительства государств, против которых они направлены, изменят свое политическое поведение. Ожидается, что эти меры повлияют на баланс сил между правящими и оппозиционными группами политических элит в целевой стране, изменив соотношение в пользу тех, от которых ожидается скорейшее инициирование желаемых для ЕС политических изменений [15, р. 24 — 25; 19, р. 2 — 3]. Однако возникает вопрос: действительно ли ЕС удастся достичь значимого эффекта с помощью своих мер санкционного воздействия? Является ли применение данного инструмента оправданным способом утверждения собственного влияния на международной арене?

Обзор научной литературы

Несмотря на длительный, почти вековой период, в течение которого различные политические акторы прибегали к санкционным ограничениям в качестве орудия давления во внешней политике, значительная часть научного сообщества продолжает подвергать сомнению как эффективность, так и легитимность такого инструментария. Из научных работ известных авторов, посвященных осмыслению этих вопросов и выявлению основополагающих мотивационных механизмов санкций, следует назвать: «Политику санкций США на уровне исполнительной власти» И. Н. Тимофеева [5], «Детерминанты эффективности санкций: анализ чувствительности с использованием новых данных» Н. А. Бапата с соавторами [7], а также «Принудительные или разрушительные: негативное влияние экономических санкций на демократию» Д. Пексэна и А. Купер Друри [16].

В западной традиции анализ эффективности санкционных мер зачастую осуществляется в русле практико-ориентированной геоэкономической логики с акцентом на одностороннее многофакторное применение санкций, методы оценки их успешности, влияющие факторы и стратегии повышения эффективности. Среди репрезентативных западных публикаций в этой области можно отметить работы Е. Хатиоглу и Д. Пексэна [12], К. Портэллы и Л. Джонса [14].

Российская научная литература, в свою очередь, преимущественно концентрируется на условиях и факторах, определяющих легитимность и законность применения санкционных ограничительных мер. Говоря непосредственно об анализе санкционной политики ЕС, следует выделить публикации Ф.Ю. Панова [4], А.И. Абдуллина и М.В. Кешнера [1]. Отдельно нужно упомянуть сборник «Политика санкций: цели, стратегии, инструменты» [3], ставший к настоящему времени, пожалуй, хрестоматийным русскоязычным источником информации о санкциях [2, с. 175].

Методы исследования

В рамках настоящего исследования проводится анализ имплементации санкционных режимов ЕС в отношении Сирийской Арабской Республики (САР) с целью оценки их политической результативности. Сирия была выбрана в качестве объекта исследования по ряду причин: значительная продолжительность санкционного режима, его объем и разнообразие применяемых инструментов, а также постоянное международное внимание к ситуации в стране, в том числе и со стороны ученых-политологов.

Центральный вопрос заключается в том, насколько санкционное воздействие ЕС способно трансформировать политическое поведение правительства подсанкционного государства, в частности через воздействие на электоральные предпочтения. Для прояснения данного вопроса использован процессный подход, который рассматривает изменение проблемной ситуации как результат последовательной реализации целенаправленных действий.

Для проведения нашего исследования мы решили взять период с 2004 по 2024 г. Хотя санкционное давление на Сирию, в том числе со стороны ЕС, стало выраженным и постоянно нараставшим только в 2014–2016 гг., анализ более раннего периода — начиная с введения первых собственных санкций ЕС против САР в 2004–2006 гг. — необходим для фиксации исходных электоральных предпочтений и их динамики в стране еще до начала масштабного и многостороннего внешнего санкционного воздействия на нее. Верхняя хронологическая граница связана с парламентскими выборами, состоявшиеся 15 июля 2024 г.

Для выявления корреляций между применением санкционных мер и динамикой политической поддержки правящих элит и оппозиционных сил применен метод факторного анализа. Такое методическое решение представляется оправданным для анализа комплекса данных, включающего информацию о санкционном давлении, электоральной

динамике, а также контекстуальных факторах, оказывающих влияние на политическую стабильность в стране. Эмпирическая база исследования строится на сопоставлении изменений в уровне санкционного давления с электоральными результатами парламентских и президентских избирательных кампаний. Первоначально произведен сбор необходимых данных, касающихся критически важных переменных. В качестве источников аналитической информации послужили специализированные базы данных, в частности *Sanctions Explorer* (независимый интернациональный проект, агрегирующий аналитические данные со всего мира как по действующим, так и по прекращенным санкционным режимам), а также официальные публикации Европейского союза. Статистические данные, касающиеся результатов выборов, получены из архивов международного фонда избирательных систем IFES (International Foundation for Electoral Systems). При этом мы опираемся на два ключевых показателя: уровень участия избирателей в голосовании и процент голосов, полученных правящими и оппозиционными политическими силами или их представителями. После сбора эмпирических данных нами построена факторная модель. В этой модели независимыми переменными служат нормализованные показатели санкционного давления, обеспечивающие их сопоставимость. Зависимыми переменными выступают электоральные результаты. Факторный анализ позволил сгруппировать исходные переменные в три комплексных фактора на макроуровне: первый — отражающий санкционное давление и его интенсивность; второй — характеризующий электоральную поддержку правящих элит; третий — отражающий поддержку оппозиции. Проведен анализ корреляций и регрессионных связей между выделенными факторами, что в результате дает возможность количественно оценить статистическую значимость влияния примененных санкционных режимов на электоральную динамику в целевой стране и выявить как прямые, так и косвенные политические эффекты такого внешнего давления.

Результаты анализа

Статистика, отражающая совокупное количество введенных Европейским союзом в отношении Сирии санкционных мер, представлена в таблице 1.

Таблица 1

Количество санкций, введенных ЕС против САР в 2004–2024 гг. [17]

Год	Количество санкций
2004	1
2006	6
2008	6
2010	6
2012	9
2014	12
2016	38

Год	Количество санкций
2018	50
2020	144
2022	152
2024	191

Для выполнения нашего запроса и анализа санкций, введенных ЕС против Сирии с 2004 по 2024 г., важно рассмотреть несколько ключевых этапов. Мы должны проанализировать характер этих санкций, их последствия для сирийского общества, а также влияние на политическую ситуацию в стране.

Период с 2004 по 2010 г. характеризуется относительно небольшим количеством санкций, что объясняется ограниченной внешнеполитической активностью сирийского государства в этот промежуток времени и его сравнительно нейтральной позицией в международных конфликтах. Европейские санкции тех лет были преимущественно персональными, направленными на ограничение доступа отдельных лиц к международным финансам и запрещение въезда в страны ЕС. Начиная с 2010 г. санкции стали охватывать определенные организации и структуры, которые могли иметь связь с военной промышленностью САР.

С 2011 г., то есть после начала в стране гражданской войны, ЕС значительно увеличил санкционное давление на правительство в Дамаске. Санкции стали носить более системный характер и были распространены на ряд секторов сирийской экономики, включая нефтяной и энергетический, а также банковскую систему.

Следующим важным рубежом стал 2014 год, когда ЕС принял решение ужесточить свои санкционные режимы, которые преследовали цель как политической изоляции, так и экономического ослабления Сирии. С каждым годом европейские санкции против САР становились все более масштабными. В 2016 г. их количество достигло 38, в 2018 г. — 50, а к концу 2020 г. насчитывалось уже 144 действующих санкционных мер ЕС, направленных на ограничение возможностей сирийского правительства.

Продолжавшееся ухудшение ситуации в стране привело к дальнейшему усилению политического и санкционного давления на Баасистскую Сирию, и в 2021 — 2024 гг. количество санкций со стороны ЕС возросло до 191. Это должно было в первую очередь повлиять на способность САР вести дальнейшие боевые действия против вооруженных сил оппозиционных объединений.

Для того чтобы проанализировать влияние санкционного давления Европейского союза на внутреннюю политическую ситуацию в Сирии, в частности на трансформацию электоральных предпочтений населения страны, мы провели детальное изучение ключевых статистических данных, полученных в ходе всех парламентских и президентских выборов, состоявшихся на территории САР в рассматриваемый период (табл. 2).

Таблица 2

**Ключевые показатели парламентских и президентских выборов
в САР за 2004 – 2024 гг. [18]¹**

Год	Тип выборов	Уровень явки, %	Доля голосов за правящие элиты, %	Доля голосов за оппозицию, %
2007	Парламентские	56,12	68,8	31,2
2007	Президентские	95,86	99,82	0,18
2012	Парламентские	51,26	67,2	32,8
2014	Президентские	73,42	88,7	11,3
2016	Парламентские	57,56	80	20
2020	Парламентские	33,17	73,2	26,8
2021	Президентские	78,64	95,19	4,81
2024	Парламентские	38,16	74	26

Результаты ключевых выборов в Сирии с 2004 по 2024 г. позволяют понять, как политическая система страны трансформировалась в этот период под воздействием внутривластной динамики, международного давления и внутреннего вооруженного конфликта.

2007 год в Сирии ознаменовался проведением как парламентских, так и президентских выборов. Парламентские выборы при показателе явки в 56,12 % выявили значительную поддержку правящих элит, которые заручились поддержкой 68,8 % избирателей. Оппозиция, представленная в ограниченном объеме, получила вместе 31,2 % голосов. Следует отметить, что выборы в Баасистской Сирии характеризовались как формальные, с минимальным уровнем политического соперничества и последующих изменений в политической системе. Многопартийность в Сирии в период правления Башара Асада была строго ограничена, и оппозиция, реально способная влиять на политические процессы, по сути отсутствовала. Так и президентские выборы того же 2007 г., проходившие под жестким контролем, продемонстрировали высокую поддержку Б. Асада (99,82 %) при явке в 95,86 %.

Парламентские выборы 2012 г., проведенные в условиях начавшегося внутреннего конфликта, показали падение явки до 51,26 %. Правящие элиты получили на этих выборах только 67,2 % голосов. Это наглядно демонстрирует нарастание политической напряженности в стране.

На президентских выборах 2014 г., проводившихся уже на фоне масштабного гражданского конфликта и только в подконтрольных правительству районах страны, была достигнута явка в 73,42 %. В связи с отсутствием на этих территориях реальной конкуренции Б. Асад получил 88,7 % голосов избирателей и остался у власти.

¹ Анализ проводился с учетом всех парламентских и президентских выборов, состоявшихся в исследуемый период. Показатель значимой корреляции: 0,01.

Несмотря на постоянно нарастающее внешнее давление и все усиливающуюся внешнюю изоляцию страны в последующие годы, результаты парламентских выборов 2016 и 2020 гг. также указывают на отсутствие здоровой политической конкуренции в САР и на доминирование правящего режима. Явка избирателей продолжала снижаться и упала в 2020 г. до 33,17 %. При этом правящие элиты получили по-прежнему большое количество голосов: 80 % в 2016 г. и 73,2 % в 2020 г.

На президентских выборах 2021 г. Башар Асад, несмотря на продолжающийся конфликт, вновь получил подавляющее большинство голосов в 95,19 %. Явка на этих выборах составила 78,64 %.

Проведенные в середине 2024 г. парламентские выборы продемонстрировали сохраняющуюся на тот момент относительную устойчивость политической системы: при явке в 38,16 % правящие элиты получили 74 % голосов сирийцев.

Таким образом, проводившиеся в Сирии в исследуемый период парламентские и президентские выборы можно рассматривать как инструменты внутренней мобилизации и легитимации правящего режима Башара Асада, где политическая конкуренция ограничена, а наличие политических изменений в стране, как и действенность влияния на описанные процессы внешнего политического и санкционного давления, остаются неясными.

Проведем на основе собранных нами данных факторный и регрессионный анализ посредством приложения SPSS.

Регрессионный анализ, результаты которого представлены в таблицах 3 и 4, демонстрирует очень низкий уровень объясняемости полученной модели на примере данных по Сирии. Результаты отражают крайне низкую степень взаимосвязи между независимой переменной «количество санкций» и зависимой переменной «правящие элиты». Коэффициент множественной корреляции (R) составил 0,038, что указывает на практически полное отсутствие линейной зависимости. Коэффициент детерминации (R^2) на уровне 0,001 свидетельствует о том, что модель объясняет лишь 0,1 % дисперсии зависимой переменной. Более того, скорректированное значение R^2 (-0,165) демонстрирует ухудшение качества модели при включении предиктора «количество санкций» по сравнению с базовой моделью. Это подтверждается статистикой изменения модели: F -статистика изменения (0,009) при p -уровне 0,929 не достигает порога статистической значимости, что указывает на отсутствие существенного вклада данной переменной в объяснение вариативности зависимой переменной. Таким образом, с высокой степенью уверенности можно констатировать, что переменная «количество санкций» не обладает прогностической ценностью в отношении уровня влияния правящих элит в рамках данной модели. Наконец, значение статистики Дарбина – Уотсона (3,314) выходит за пределы допустимого интервала (1,5–2,5), что может свидетельствовать о наличии отрицательной автокорреляции остатков.

Таблица 3

Сводка для модели регрессии

Модель	R	R-квадрат	Скорректированный R-квадрат	Стандартная ошибка оценки	Статистика изменений					Дарбин – Уотсон
					Изменение R-квадрат	Изменение F	Степень свободы 1	Степень свободы 2	Значимое изменение F	
1	,038 ^a	,001	–,165	13,31212	,001	,009	1	6	,929	3,314
a. Предикторы: (константа), Количество санкций										
b. Зависимая переменная: Правящие элиты										

Таблица 4

Коэффициенты по модели

Модель		Нестандартизованные коэффициенты		Стандартизованные коэффициенты	t	Значимость
		B	Стандартная ошибка	Бета		
1	(Константа)	81,280	6,491	—	12,522	,000
	Количество санкций	–,006	,064	–,038	–,093	,929
a. Зависимая переменная: Правящие элиты						

Анализ показал, что переменная «количество санкций» не оказывает статистически значимого влияния на модель. Константа модели, равная 81,280 ($p < 0,001$), представляет собой ожидаемое значение «правящих элит» при отсутствии санкционного воздействия. При этом нестандартизованный коэффициент для «количества санкций» составляет $-0,006$ и не достигает статистической значимости ($p = 0,929$). Стандартизованный коэффициент β , равный $-0,038$, подтверждает крайне незначительное воздействие этого предиктора.

Полученная модель не выявляет в итоге статистически значимых взаимосвязей между изучаемыми переменными. Следовательно, проведенный регрессионный анализ позволяет заключить, что уровень европейского санкционного давления не оказывал сколько-нибудь заметного влияния на степень влияния политических элит в Баасистской Сирии. Такие результаты могут свидетельствовать о высокой инерционности сирийской политической системы и о том, что в этой стране ключевую роль в соответствующих механизмах играют другие факторы. Тем не менее приведенная интерпретация требует осторожности из-за ограниченного объема выборки (данные по восьми проведенным в исследуемый период выборам) и возможных статистических искажений.

Корреляции

Показатель		Количество санкций	Явка	Правящие элиты	Оппозиция
Корреляция Пирсона	Количество санкций	1,000	-,459	-,038	,038
	Явка	-,459	1,000	,867	-,867
	Правящие элиты	-,038	,867	1,000	-1,000
	Оппозиция	,038	-,867	-1,000	1,000
Значимость (односторонняя)	Количество санкций	.	,126	,464	,464
	Явка	,126	.	,003	,003
	Правящие элиты	,464	,003	.	,000
	Оппозиция	,464	,003	,000	.

Результаты корреляционного анализа пролили свет на взаимосвязи между ключевыми политико-электоральными переменными и уровнем санкционного давления на Сирию. В рамках исследования были проанализированы четыре переменные: объем введенных санкций; уровень электоральной явки; доля голосов, полученных правящими элитами; доля голосов, отданных оппозиции. Все коэффициенты корреляции были рассчитаны по методике Пирсона.

Наиболее значимой оказалась отрицательная корреляция между количеством санкций и явкой на выборах ($r = -0,459$, $p = 0,126$). Хотя статистическая значимость (p) не достигает общепринятого порога ($p < 0,05$), эта умеренная связь может отражать восприятие высокой явки как индикатора легитимности даже в авторитарных условиях. Корреляция между санкциями и долями голосов за правящую элиту или оппозицию оказалась незначительной ($-0,038$ и $+0,038$ соответственно), что говорит об отсутствии явной линейной зависимости между результатами выборов и объемом введенных санкций. Иначе говоря, санкционное давление определяется не столько тем, за кого голосуют (правящих или оппозиционных кандидатов), сколько более широкими показателями, например активностью избирателей на выборах.

Статистически значимые взаимосвязи между соответствующими внутриполитическими переменными, как и ожидалось, оказались достаточно ярко выражены. Нами была обнаружена сильная положительная корреляция $+0,867$ ($p = 0,003$) между явкой и поддержкой правящих элит, и такая же сильная отрицательная корреляция $-0,867$ ($p = 0,003$) с поддержкой оппозиции. Это означает, что чем выше явка, тем больше голосов обычно получают правящие группы, а оппозиция теряет поддержку. В Сирии времен Б. Асада такая закономерность могла быть следствием как целенаправленной мобилизации избирателей для демонстрации лояльности власти, так и использования административного принуждения.

Исследование также выявило четкую противоположную зависимость между голосами, отданными за правящие элиты и оппозицию: корреляция составляет здесь $-1,000$ ($p < 0,001$). Это объясняется тем, что в усло-

виях двухполюсной системы, где голоса распределяются между двумя основными группами, увеличение поддержки одной автоматически влечет за собой уменьшение поддержки другой.

Таким образом, корреляционный анализ сирийских выборов исследуемого периода указывает на то, что уровень явки избирателей, а не фактическое распределение голосов между политическими силами, является ключевым фактором, потенциально связанным с международной санкционной реакцией.

Результаты нашего исследования, полностью охватывающего временной отрезок от введения ЕС первых собственных санкционных мер в отношении Сирии в 2004 г. и до падения правительства Б. Асада в конце 2024 г., не выявили четкой и однозначной зависимости между интенсивностью европейского санкционного давления на САР и уровнем политической поддержки на парламентских и президентских выборах в этой стране.

На протяжении всего периода прослеживается устойчивая тенденция к ужесточению санкционного давления ЕС на Сирию как на целевую страну. Особенно значительный рост в количестве введенных санкций произошел с 2012 по 2020 г., когда их число выросло с 9 до 144. Такая динамика, несомненно, коррелирует с эскалацией гражданского конфликта и ответными действиями международного сообщества на внутрисирийские политические процессы.

В контексте электоральной поддержки президентские выборы в Сирии демонстрируют в изученный период аномально высокий уровень лояльности к правящим элитам (например, 99,82 % в 2007 г.), что является характерной чертой авторитарных режимов и свидетельствует о формальном характере избирательного процесса. Парламентские выборы, в свою очередь, предоставляют не такую однозначную картину: в 2007 г. политические силы оппозиции получили суммарно 31,2 % голосов избирателей, а в 2012 г. — рекордные 32,8 %. Это может быть интерпретировано как признак и более выраженного плюрализма на парламентском уровне, и искусственного создания его видимости.

Увеличение поддержки правящих элит на парламентских выборах с 68,8 % в 2007 г. до 74 % в 2024 г., вопреки растущему санкционному давлению, может свидетельствовать о том, что ЕС рассматривал электоральные сигналы как маркеры политического развития в САР и пытался переломить эту тенденцию через усиление санкций.

Наблюдаемая высокая явка избирателей может быть истолкована как индикатор политической устойчивости или как форма имитации открытости выборов, что, в свою очередь, снижает вероятность усиления санкционного давления со стороны внешних акторов. Это подчеркивает приоритет восприятия легитимности процедур проводимых избирательных кампаний над их результатами.

На внутриполитическом уровне полученные данные свидетельствуют о тесной зависимости между мобилизацией населения и поддержкой

правлящих элит, что подтверждает наличие жестко контролируемого электорального поля, характерного для авторитарных политических режимов.

В целом результаты проведенного исследования подтверждают наличие сложной динамики, в рамках которой санкции не демонстрируют систематической корреляции с изменением уровня поддержки как правящих элит, так и оппозиционных сил. В определенных контекстах может наблюдаться транзиторное увеличение поддержки правительства, обусловленное эффектом «сплочения вокруг флага» в условиях воспринимаемой внешней угрозы. Однако данный эффект является временным. Более того, санкционное давление может в среднесрочной и долгосрочной перспективе способствовать эрозии общественной поддержки, особенно при сопутствующем ухудшении макроэкономических показателей и росте социального недовольства.

Подводя итог, можно констатировать, что санкции ЕС в отношении САР оказывают сложное и неоднозначное влияние на развитие политической ситуации внутри государства. Они способны инициировать внутренние реформы, однако не гарантируют изменения внутривнутриполитического баланса. Результативность санкций определяется не только их масштабом и жесткостью, но и способностью целевого государства к адаптации, к мобилизации своих ресурсов, а также к инструментализации оказываемого на него внешнего давления для укрепления собственной легитимности.

Следовательно, санкции представляются в исследуемом контексте лишь как один из факторов возможного оказания политического давления и способа стимулирования трансформации электоральной динамики в определенном предполагаемом ключе, прямое воздействие которых затруднительно однозначно изолировать и квантифицировать. Эта комплексность подчеркивает необходимость применения более тонких аналитических подходов для исследования взаимодействия множества переменных и контекстуальных факторов при изучении воздействия санкционных механизмов давления на политические режимы целевых стран.

Список литературы

1. Абдуллин А. И., Кешнер М. В. Применение ограничительных мер в контексте общей внешней политики ЕС: концептуальные подходы // Современная Европа. 2021. Т. 107, №7. С. 72–83.
2. Андерс В. Влияние санкционных мер ЕС на уровень политической поддержки правящих и оппозиционных сил в Иране в период с 2004 по 2024 гг. // Журнал политических исследований. 2025. Т. 9, №3. С. 173–184.
3. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты / сост. И. Н. Тимофеев, П. И. Чуприянова, К. В. Троцкая. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
4. Панов Ф. Ю. Международно-правовые основы введения односторонних ограничительных мер ЕС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18, №1. С. 137–146.

5. Тимофеев И. Н. Политика санкций США на уровне исполнительной власти // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, №3. С. 23–32.
6. Ahmad P. et al. The EU as a global actor in sustainability policy: analyzing the EU's limited but potential influence in Iraq and Syria // *Journal of Liberty and International Affairs*. 2023. Vol. 9, №1. P. 289–302.
7. Bapat N. A. et al. Determinants of sanctions effectiveness: sensitivity analysis using new data // *International Interactions*. 2013. Vol. 39, №1. P. 79–98.
8. Blackwill R. D., Harris J. M. War by other means: geoeconomics and statecraft. Cambridge, 2016.
9. Basic Principles of on the Use of Restrictive Measures (Sanctions) / Council of the EU. Doc. 10198/1/04 REV 1. Brussels, 7 June 2004. 3 p. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-10198-2004-REV-1/en/pdf> (дата обращения: 14.01.2026).
10. Guidelines on implementation and evaluation of restrictive measures (sanctions) in the framework of the EU Common Foreign and Security Policy / Council of the EU. Doc. 15579/03. Brussels, 8 December 2003. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15579-2003-INIT/en/pdf> (дата обращения: 14.01.2026).
11. Giumelli F., Hoffmann F., Książczaková A. The when, where and why of European Union sanctions // *European Security*. 2020. Vol. 30, №1. P. 1–23.
12. Hatipoglu E., Peksen D. Economic sanctions and banking crises in target economies // *Defense and Peace Economics*. 2018. Vol. 29, №2. P. 171–189.
13. Sharpening EU sanctions policy for a geopolitical era / ed. by N. Helwig, J. Joke-la, C. Portela / Publications of the Government's analysis, assessment and research activities. Prime Minister's Office (Finland). Helsinki, 2020.
14. Jones L., Portela C. Evaluating the success of international sanctions: a new research agenda // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*. 2020. Vol. 125. P. 39–60.
15. Marquardt S. Research handbook on the EU's common foreign and security policy. Cheltenham, 2018.
16. Peksen D., Cooper Drury A. Coercive or corrosive: the negative impact of economic sanctions on democracy // *International Interactions*. 2010. Vol. 36, №3. P. 240–264.
17. Sanctions Explorer // Cumulative sanctions data over time. Date range: 01.01.2004–31.12.2024. URL: <https://sanctionsexplorer.org/analytics> (дата обращения: 14.01.2026).
18. The International Foundation for Electoral Systems (IFES) // IFES Election Guide. Country Profile: Syrian Arab Republic. URL: <https://www.electionguide.org/countries/id/208/> (дата обращения: 14.01.2026).
19. Wong T.-N., Grauvogel J., Marinov N. Targeted sanctions against authoritarian elites // *Social Science Research Network (SSRN)*. 26.04.2022. doi: 10.2139/ssrn.4094157.

Об авторе

Вальдемар Андерс — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

SPIN-код: 9321-8177

E-mail: VAnders@stud.kantiana.ru

W. Anders

THE IMPACT OF EU SANCTIONS ON THE LEVEL OF POLITICAL
SUPPORT FOR THE RULING AND OPPOSITION FORCES IN SYRIA
BETWEEN 2004 AND 2024

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 18 January 2026

Accepted 14 April 2026

doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-9

129

To cite this article: Anders W., 2026, The impact of EU sanctions on the level of political support for the ruling and opposition forces in Syria between 2004 and 2024, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №2. P. 117 – 129. doi: 10.5922/vestnikhum-2026-2-9.

This article seeks to explore how the sanctions measures imposed by the European Union have influenced, first, the level of political support for the ruling and opposition forces in the Baathist Syria and, second, the level of voter turnout in parliamentary and presidential elections. It also aims to identify possible dependencies, their causes and characteristics. The study employs the process-oriented approach. The primary method used is factor analysis, which enables the identification of hidden connections between the study variables through comparing changes in the level of sanctions pressure with the outcomes of every Syrian parliamentary and presidential election held between 2004 and 2024. After collecting the relevant data, a factor model was built and a regression analysis performed. The findings of this study indicate that, although sanctions can have an impact on the political dynamics in a targeted country, the nature of this relationship remains elusive. Perceived as an external threat, sanctions can elicit stronger support for ruling elites as manifested in rallying behind the leader.

Keywords: European Union, Syria, sanctions policy, international relations, sanctions impact, political support

The author

Waldemar Anders, PhD Student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia.

E-mail: VAnders@stud.kantiana.ru